

Гарбуз Г. В.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ В ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/19.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 54-56. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ В ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Гарбуз Г. В.
Пензенский государственный университет*

Органы местного управления в Поволжье в начале XX в. представляли собой систему государственных учреждений, осуществлявших общее административное руководство и несущих основную ответственность за проведение правительственной политики в регионе. В их структуре и деятельности отразились общие тенденции, присущие системе государственного управления России в начале XX в., но одновременно проявились и особенности, обусловленные как спецификой региона и отдельных губерний, так и личными качествами провинциальных администраторов.

В центре системы местного управления находилась фигура губернатора, являвшегося оплотом и олицетворением самодержавной власти в провинции. Чрезмерная централизация государственного управления в начале прошлого века способствовала концентрации в руках губернатора контроля над осуществлением практически всех управленческих функций в пределах губернии. Причем эта тенденция постоянно усиливалась, что привело к определенной деформации системы местного управления [Блинов 1905: 259]. Стремление губернаторов лично охватить, как можно больший круг административных вопросов способствовало окончательной потере управленческой самостоятельности большинством губернских учреждений. Даже высокий профессионализм большинства поволжских губернаторов начала XX в. не мог компенсировать увеличение административной нагрузки, что усиливало бюрократизацию местного управления. В результате создавалась ситуация, когда губернатор фактически единолично направлял деятельность губернских учреждений, а бюрократический механизм принятия решений обезличивал их действия. Это снимало с большинства провинциальных администраторов ответственность за проводившуюся политику и открывало дорогу административному произволу.

Неспособность местной администрации действовать традиционными методами в условиях возросшей конфронтации между властью и обществом привела к усилению чрезвычайных мер в управлении. Это привело к усилению в губернском аппарате роли репрессивных учреждений, в первую очередь, института общей полиции. Все заметнее становится тенденция поручения полиции несвойственных ей функций, многие из которых относились к компетенции других государственных органов. Несмотря на появление в составе полиции новых подразделений – полицейской стражи, и усиление внимания администрации к профессиональной подготовке полицейских, количественный и качественный рост полиции был не адекватен увеличению ее обязанностей. Это сказывалось на деятельности полицейских учреждений, фактически не справлявшихся не только с новыми для них видами деятельности, но и с традиционными своими функциями, даже с первоочередными обязанностями по охране правопорядка.

Состав местного бюрократического аппарата был неоднороден. Высшие должности в губернском административном аппарате (губернаторы, вице-губернаторы, непременные члены присутствий) занимали выходцы из привилегированных сословий, имевшие, в основном, высокий уровень образования и достаточную профессиональную подготовку. В среднем и низшем звене местной администрации преобладали представители бывших податных сословий, причем низкий престиж государственной службы в провинции приводил в ряды местной бюрократии далеко не самых способных представителей этих социальных слоев. Общей чертой поволжской бюрократии была ее сильная зависимость от государственной службы, которая являлась как для низших, так и для высших провинциальных чиновников основным источником материального обеспечения и главной возможностью повысить свой социальный статус. Это выделяло бюрократию в отдельную группу, интересы которой были обособлены от интересов других социальных слоев провинциального общества.

Революция 1905 – 1907 г.г. стала серьезным испытанием для органов местного управления. По мнению С. В. Тютюкина, «революция стала своего рода проклятием, наказанием, расплатой за их неспособность дать достойный ответ на вызов времени и справедливые требования народа» [Тютюкин 1996: 78]. Царская бюрократия оказалась не готова к столь мощному всплеску народного недовольства. Нарушение связей между центром и провинцией, а также внутри местного административного аппарата, в условиях господства централизации и унификации в системе государственной власти самодержавия, привело к хаосу в деятельности местных властей, не привыкших принимать самостоятельные решения.

В 1905 – 1907 г.г. как никогда ярко заметна роль личностного фактора в деятельности органов местного управления. Успех местной администрации в борьбе с революцией оказался в прямой зависимости от личности губернаторов. Местные государственные учреждения могли более или менее эффективно противостоять революционному движению лишь при твердой губернаторской власти. Стоило начальнику губернии спастись перед натиском революции, как тут же рушились властные бастионы и наблюдался резкий всплеск освободительного движения. Подобная ситуация возникла в Самаре осенью 1905 г. [Карнишин 1996: 58].

В Поволжье, как и в большинстве других регионов страны, в 1905 – 1907 г.г. было введено положение усиленной охраны. Особенностью поволжских губерний явился тот факт, что положение усиленной охраны сохранялось в них длительное время после завершения революции. В Пензенской и Самарской губерниях

оно было отменено только в 1912 г. [РГИА: 128]. Таким образом, элемент чрезвычайности был перманентным фактором деятельности местного управления в Поволжье в 1905 – 1907 г.г.

Местная администрация не смогла собственными силами справиться с революционным движением в Поволжье, даже после введения чрезвычайного положения. Только всемерная и, в первую очередь, военная поддержка со стороны правительства и восстановление традиционных принципов функционирования государственного механизма, позволили местной администрации вновь овладеть положением в губерниях.

Особенностью региона было широкое развитие аграрного движения [Христофоров 2005: 467]. Господство помещичьего землевладения и крестьянское малоземелье предопределили могучий социальный конфликт в поволжской деревне, остановить который, имевшимися в ее распоряжении средствами, местная администрация не могла. Поэтому власти Поволжья активно поддерживали решение правительства о создании землеустроительных комиссий и начавшуюся вслед за этим столыпинскую аграрную реформу. Несмотря на сопротивление населения и организационные трудности большинство землеустроительных комиссий было создано в срок. Но для того, чтобы широко развернуть их деятельность, в условиях продолжавшейся революции, у местной администрации не хватало сил.

С началом столыпинской аграрной реформы «на острие» внутренней политики в Поволжье оказались органы крестьянского управления и землеустроительные комиссии. Совместное участие в проведении землеустроительных мероприятий привело к тесному переплетению не только деятельности, но и структуры этих различных по своей сути органов местного управления. Такая ситуация была характерна не только для государственных учреждений. Особенностью региона являлась большая роль органов дворянского самоуправления в системе местного управления. В преимущественно аграрных губерниях Поволжья к началу XX в. сохранились сильные дворянские корпорации, что заставляло местную администрацию считаться с их представителями на уездном и губернском уровнях. Уездные предводители дворянства фактически держали в руках проведение столыпинских аграрных преобразований в деревне. Как председатели уездных съездов они контролировали юридическую сторону этого процесса, а как председатели землеустроительных комиссий – техническую. Это ставило проводимую правительством политику под контроль «первенствующего» сословия.

Ситуацию в Поволжье усугубляли сильные неурожаи 1905 – 1907 г.г. В результате ряда просчетов центральных и местных властей организовать должным образом продовольственную помощь населению не удалось, и лишь большим напряжением сил местная администрация сумела избежать голода в регионе.

Неспособность местных органов власти полностью контролировать ситуацию в регионе в 1905 – 1907 г.г. привела к резкому сокращению поступления налогов, что соответствует общероссийской тенденции [Тютюкин 1991: 23]. В ходе борьбы с революционным движением налоговая политика была отодвинута провинциальным аппаратом на второй план. Налоговая деятельность поволжской администрации активизируется в 1907 г. на фоне общего спада революции, но властям удалось к концу года лишь остановить дальнейшее падение налоговых сборов, суммы недоимок по-прежнему в несколько раз превышали размеры ежегодных налоговых поступлений.

По мере развития в стране гражданского общества, наблюдалось усиление тех звеньев местного административного аппарата, которые были сориентированы на контроль над общественными процессами в провинции. Расширились полномочия губернаторов и губернских по земским и городским делам присутствий, что обусловило их совместный натиск на права местного самоуправления и обострило конфликт между администрацией и земствами. Появились новые органы местного управления – губернские по делам об обществах и союзах присутствия и уездные по делам о выборах в Государственную думу комиссии, которые в своей деятельности были движимы стремлением не столько гарантировать, сколько дезавуировать завоеванные обществом демократические свободы. Такая политика объяснялась господством патерналистских тенденций в среде местной администрации, которые шли вразрез со стремлением провинциального общества к самостоятельности.

Косность и неумение местной администрации адекватно реагировать на произошедшие в стране изменения особенно ярко проявилось во время выборов в Государственные думы. В ходе избирательной кампании местные власти или вообще не стремились проводить какую-либо внятную политику (выборы в I Государственную думу), или, когда правительство заставило их взяться за реализацию его избирательной программы (выборы во II Государственную думу) делали это настолько грубо и непоследовательно, что лишь усугубляли негативное отношение к власти, отнюдь не добившись нужных результатов [Кошко 1916: 35]. Оппозиционный состав депутатов от Поволжья в I и II Государственных думах был отчасти «заслужен» местной администрацией.

События 1905 – 1907 г.г. не привели к существенным изменениям в административном аппарате поволжских губерний. Новые органы управления, появление которых было вызвано революционным процессом, культивировали в своей деятельности те же принципы, что и традиционные структуры. Бюрократический аппарат остался прежним. Победа над революционным движением вселила в него уверенность в собственной непогрешимости и стимулировала нежелание учитывать в своей деятельности требования быстроменяющейся жизни, что во многом предопределило роковой для царской администрации финал в 1917 г.

- Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. - СПб.: Право, 1905.
- Карнишин В. Ю. Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. - Пенза: ПГТУ, 1996.
- Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. Новгород-Самара-Пенза. - Петроград, 1916.
- РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. 1912. Д. 77. Л. 128.
- Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. - М.: Наука, 1991.
- Тютюкин С. В. Первая российская революция в отечественной историографии 90-х годов // Отечественная история. - 1996. - № 4.
- Христофоров И. А. Финал революции // Первая революция в России: взгляд через столетие / Под. ред. А. П. Корелина, С. В. Тютюкина. - М.: Памятники исторической мысли, 2005.

МАРИЙСКАЯ ЭТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Глухова Н. Н., Глухов В. А.

Марийский государственный технический университет

Цель статьи - описать этическую систему марийского этноса, выявленную на основе комплексного анализа пословиц и поговорок луговых мари, самой многочисленной группы нации.

Слово *этика* (лат. *ethica* < греч. *ethos* обычай, характер) имеет несколько значений и может рассматриваться как система норм нравственного поведения человека, какой-либо общественной или профессиональной группы [Современный словарь иностранных слов 1992: 727]. С позиции системного анализа и прагматики, этика – это система ограничений поведения людей, созданная в целях безопасного и стабильного существования общества. В общественной иерархии ограничения не одинаковы для ее членов (*Quod licet Jovi, non licet bovi*). Исходя из этого, можно предположить, что этика – это разновидность насилия над личностью, установленная для блага общества. Теория оптимизации может подсказать, что для каждого общества на очередной ступени его закономерных изменений существует «оптимальная» этика, максимально способствующая его развитию. Чрезмерно большое количество ограничений приводит к застою, например, в тоталитарном обществе или при пуританстве. Полное отсутствие этики, или анархия, делает невозможным ведение бизнеса и разрушает общество.

Ведущая идея выявления этнической этической системы заключается в том, что лучше всего ее знает сам народ, который выражает концентрированную народную мудрость и жизненный опыт в пословицах и поговорках [Глухов, Глухова 2007: 5-16]. Выявить эту систему может компонентный, контекстуальный, статистический и факторный виды анализа этих текстов. Достоверность обеспечивается за счет исследования большого количества пословиц - 2 610 текстов, почерпнутых из сборника А.Е. Китикова [Марий калык ойпого, 2004]. Любая этическая система может быть сформулирована двояко – как восхваление добродетелей или как порицание пороков. Второй способ – конструктивнее, ибо он помогает двигаться к совершенству, а первый наивно предполагает, что оно уже достигнуто.

Существует множество человеческих пороков, но в каждом обществе не все они одинаково нетерпимы. Очевидно, что чем чаще упоминается в пословицах какое-либо нарушение этики – порок, тем более он нетерпим для данного общества. Следует учитывать также восхваление добродетелей, т.к. это косвенное осуждение порока (например: труд – лень, антиподы).

При определении этических норм поведения, зафиксированных в пословицах луговых мари, мы прибегли к анализу, суть которого сводится к следующему: 1. Составляется список пороков. 2. Подсчитывается количество их упоминаний. 3. Вычисляются вероятности их упоминания с учетом того, что в сумме эти вероятности составят единицу. 4. Пороки ранжируются в порядке убывания вероятности. 5. Выделяются главные, дополнительные, вспомогательные и малозначащие пороки методом последовательной дихотомии по критерию простого большинства среди них. 6. Строится гистограмма вероятностей на основании полученных данных. 7. Составляется матрица связей пороков. 8. Вычисляется коэффициент противоречивости и связности пороков. 9. Приводятся выводы и обобщения.

Анализ текстов позволил распределить выявленные этические недостатки по группам и занести их в таблицу: